

ПРИВАВЛЕНІЯ

къ

ДУХОВНОМУ ВЪСТНИКУ

ГРУЗИНСКАГО ЭКЗАРХАТА.

1-го апрѣля

№ 7-й.

1894 года.

Собесѣдованіе на 5-ю недѣлю Великаго поста.

*Тебѣ убо възбраняше честныхъ
взиранія сквернѣхъ прежде привле-
ченное скверненіе: твое же чувство
и твоя богомудрая содѣльныхъ
совѣсть къ лучшимъ тебѣ обра-
щеніе содѣляша. (1-я стихира на Го-
споди възвахъ).*

Въ службѣ на сегодняшній день св. Церковь соединила все, чтобы поддержать въ своихъ чадахъ возвышенный образъ мыслей, подкрѣпить ихъ ослабѣвающее мужество къ новымъ подвигамъ поста и молитвы и вдохнуть въ нихъ чувства состраданія и милосердія къ своимъ ближнимъ. Въ одномъ изъ евангелій на литургіи она торжественно побуждаетъ насъ отдать себя на служеніе своимъ ближнимъ (Мрк. 10, 32—45), въ другомъ предлагаетъ трогательный образецъ смиренія и любви ко Христу въ лицѣ Маріи, слезами обливавшей ноги Спасителя и волосами своими отиравшей ихъ, и осуждаетъ фарисея за его высокомеріе и гордость (Лук. 7, 36—50); въ своихъ же пѣснопѣніяхъ она между прочимъ ублажаетъ память Преподобной Маріи Египетской и прославляетъ ея подвижническую жизнь. И дѣйствительно, если когда либо, то воспоминаніе объ этой чудной женщинѣ особенно своевременно въ настоящіе дни поста и молитвы, потому что ничто не можетъ такъ послужить намъ въ поученіе и назиданіе, какъ ея строгая жизнь и подвиги. „Тебѣ убо възбраняше

честныхъ взираній сквернаго прежде привлеченное скверненіе: *твое же чувство и твоя богомудрая содьянная съестъ къ лучшимъ тебѣ обращеніе содьяша*“. Такъ христіанскій пѣснопѣвецъ изобразилъ одинъ изъ самыхъ главныхъ моментовъ въ жизни Маріи и указалъ на тотъ переломъ и внутреннее возрожденіе ея, послѣ котораго она прервала всякую связь съ позорнымъ прошедшимъ и, озаренная инымъ свѣтомъ, начала новую жизнь. Грѣшница, спустившаяся въ самую бездну порока, она вдругъ отказывается отъ всѣхъ удовольствій міра, длиннымъ рядомъ воздержанія и самоиспытанія достигаетъ высшей степени совершенства и удостоивается чрезвычайныхъ даровъ благодати Божіей. Но чтобы лучше напечатлѣть въ нашей душѣ образъ раскаянія Маріи, мы изложимъ ея жизнь, какъ она передана св. Софроніемъ, патріархомъ Іерусалимскимъ.

Дочь христіанскихъ родителей, Марія еще при жизни ихъ „отверглася любви ихъ“, оставила свой домъ, когда ей было 12 лѣтъ, и изъ внутреннихъ странъ Египта переселилась въ шумный центръ кипучей дѣятельности востока—въ роскошную Александрію, и здѣсь „неудержимое и ненасытное начахъ творити любодѣяніе“. Стройная, красивая, съ жгучими глазами, обладая веселымъ характеромъ, она приковывала къ себѣ взоры проходящихъ и привлекала къ себѣ и изящнаго образованнаго грека и полукультурнаго феллаха. Не деньги, не богатые подарки ея обожателей привязывали и удерживали ее въ этой жизни: она всей душой стремилась къ чувственнымъ наслажденіямъ, искала ихъ и отдавалась имъ со всѣмъ пыломъ своей дикой и необузданной натуры. Подобная жизнь въ то развращенное время не считалась предосудительной и женщины этого разряда пользовались даже покровительствомъ языческой религіи... Такъ среди оргій, въ погонѣ за наслажденіями спускаясь все ниже и ниже по лѣстницѣ разврата, Марія провела 17 лѣтъ. Казалось, что уже не было никакой надежды на ея исправленіе. Но здѣсь произошелъ случай, который повліялъ рѣшительнымъ образомъ на ея послѣдующую жизнь и былъ причиною ея обращенія на путь истины. Однажды она увидѣла въ гавани множество толпившихся Ливянъ и Египтянъ, отправлявшихся, какъ ей сказали, въ Іерусалимъ, на праздникъ Воздвиженія Креста Господня. Ища всевозможные случаи къ удовлетворенію своей дикой страсти, она не раздумывая съѣла на корабль, не имѣя „ни найма, ни брашна, съ единственною цѣлію“

имѣть множайшихъ рачителей, готовыхъ къ страсти ея“. Ея красота, ея вольныя рѣчи заставили забыть на время и старцевъ, и юношей о религіозной цѣли своего путешествія.... Прибывши въ Іерусалимъ, Марія продолжала ту же жизнь.

Ни священныя воспоминанія Іерусалима, ни видъ Голгообы и Гроба Господня не могли остановить ее отъ грѣха. Она увлекала за собою и старцевъ, и юношей и кромѣ пріѣхавшихъ съ нею Египтянъ „иныхъ множайшія, гражданы-же и странныя на ту скверну собирахъ“. Но то была послѣдняя дань грѣху. Здѣсь въ Іерусалимѣ ея гордость была наказана, самоувѣренность поколеблена, а ея мысль и чувства потрясены до основанія. Когда наступилъ день Воздвиженія Креста Господня, Марія вмѣстѣ съ другими хотѣла войти въ храмъ, но сколько ни приближалась къ дверямъ его, всякій разъ народная волна относила ее. Сначала ей показалось это простою случайностью и возбудило въ ней только новыя усилія пробраться въ храмъ. Но всѣ ея старанія были напрасны: другіе входили, ей же какая-то сила возбраняла входъ. Пристыженная и съ отчаяніемъ она отступила, стала въ углу притвора и предалась размышленію: „какая бысть вина, возбраняющая ми видѣти Животворящее Древо Креста Господня?“ Въ это-то время проснулась въ ней совѣсть и какъ молнія озарила ее мысль, что „тина дѣлъ ея возбраняетъ ей церковный входъ“. Охваченная раскаяніемъ, она начала горько плакать и бить себя въ грудь... Въ сердечномъ сокрушеніи Марія взглянула вверхъ и увидала предъ собою на иконѣ кроткій ликъ Богоматери. Это было для нея какъ бы небеснымъ знаменіемъ. „О Дѣво Владычице!“ воскликнула она, вѣмъ, воистину вѣмъ, яко нѣсть ти достохвально, ниже благопріятно, еже зрѣти мнѣ сице нечистой и скверной блудницѣ на честную икону твою.... Повели, да и мнѣ не возбраненъ будетъ въ церковь входъ и не лиши мене видѣти честное древо... и буди ми Поручница достовѣрнѣйшая къ Рожденному изъ тебе, яко уже къ тому тѣла моего не имамъ оскверните никоимъ же нечистымъ блуженія ругательствомъ, но егда Древо святое узрю, міра и яже въ мірѣ всего отвергнуся, и абіе изыду, аможе ты Сама, яко Поручница моего спасенія, наставиши мя“. Давъ такой обѣтъ, Марія опять стремится къ дверямъ церкви и, не смотря на большія толпы народа, чѣмъ были прежде, проникаетъ безъ труда въ храмъ и совершаетъ поклоненіе Честному и Животворящему Кресту Хри-

стову. Столь видимо явленная милость Божія наполняетъ ея сердце новымъ умиленіемъ и благодарностью, и объятая трепетомъ, она снова возвращается къ иконѣ, повергается предъ нею ниць, опять произноситъ обѣтъ чистоты и вторично избираетъ ее учительницей и руководительницей на пути покаянія.

Слѣдуя внушенію свыше идти въ пустыню за Іордань, она посильно оставляетъ Іерусалимъ, а съ нимъ и міръ со всѣми его прелестями. Тамъ, въ пустынѣ она не только отказалась отъ нѣги и роскоши, не только отвергла удовлетвореніе самыхъ необходимыхъ потребностей плоти, но, можно сказать, превзошла законы человѣческой природы. За все время пребыванія въ пустынѣ она не имѣла ни крова, ни одежды, ни пищи. Ея одежда скоро истлѣла, и она непокрытая ходила по пустынѣ, страдая лѣтомъ отъ зноя, зимою цѣпенѣя отъ холода. 3-хъ маленькихъ хлѣбовъ, взятыхъ изъ Іерусалима и окаменѣвшихъ, ей хватило на 17 лѣтъ. Потомъ въ пищу ей служили зелень, какая попадалась въ пустынѣ, молитва и благодать Божія. Среди такихъ подвиговъ поста и молитвы Марія пробыла 47 лѣтъ, ведя неустанную борьбу съ своими похотями, какъ съ звѣрми лютыми“, преодолевая всѣ искушенія и вожделѣнія мяса, вина и веселыхъ пѣсней, къ которымъ она привыкла въ міру. Въ такихъ искушеніяхъ у нея была одна только помощница — Богоматерь, и одна надежда на спасеніе поддерживала ее въ столькихъ бѣдахъ. Послѣ столь искренняго раскаянія, сопровождаемаго слезами молитвы, и многолѣтнихъ подвиговъ воздержанія, не могло не послѣдовать совершеннаго очищенія духа и тѣла, полного примиренія съ Богомъ и совѣстью и побѣды надъ немощами человѣческой природы. *„Душевная ловленія и страсти плотскія мечемъ воздержанія поспыкла еси и мысленная согрѣшенія молчаніемъ поста удавила еси и струями слезъ твоихъ пустыню всю напоила еси и прозябла еси намъ покаянія плоды“* (4-я стихира на Господи воззвахъ). Дѣйствительно, святой Зосима, которому суждено было видѣть Преподобную и слышать отъ нея самой про ея подвиги, убѣдился, что Марія сдѣлалась болѣе похожею на безплотнаго духа, чѣмъ на чловѣка. Она переходила Іордань „вверху воды“, совершенно могла обходиться безъ пищи, ей были открыты тайныя движенія сердца Зосимы. Она бесѣдовала съ нимъ изъ св. Писанія, псалмовъ и пророчествъ, не учившись никогда даже читать и предрекала будущее. Она возвратилась, можно сказать, въ перво-

бытное невинное состояніе; звѣри при жизни не смѣли коснуться ея, а послѣ смерти служили ей. Когда старецъ Зосима не могъ вырыть могилы, чтобы похоронить тѣло Маріи, приблизившійся левъ помогъ ему выкопать яму. Но подобное напряженіе воли, какое проявила Преподобная Марія, такія не человѣческія усилія надъ самыми законными, на нашъ взглядъ, требованіями человѣческой плоти возможны только тогда, когда религіозное чувство проникаетъ всего человѣка, когда внутри его раздается только голосъ совѣсти и ея безпокойства, доходящаго до ужаса. Намъ конечно непонятенъ экстазь религіознаго воодушевленія и страннымъ кажется переходъ Маріи отъ порока къ добродѣтели, потому что подъ вліяніемъ образованія и всего направленія культуры въ насъ притушилось религіозное чувство, а совѣсть сдѣлалась болѣе снисходительною къ человѣческимъ слабостямъ. Привыкли въ области мысли подчиняться авторитетамъ, въ практической жизни слѣдовать установившимся мнѣніямъ, мы тѣмъ самымъ обезличили себя, подавили въ себѣ непосредственныя религіозныя движенія сердца и по неволѣ удивляемся той нравственной мощи и силѣ, благодаря которой Марія изъ глубины паденія достигла высоты христіанской добродѣтели. Мы уже совсѣмъ отвыкли видѣть искреннее религіозное чувство: набожность мы смѣшиваемъ съ благопристойностію и воображаемъ, что первая заключается въ извѣстной выправкѣ и неизмѣнной регулярности. Но всего хуже то, что механическое исполненіе предписаній церкви и фарисейская обрядность составляютъ въ сознаніи большинства единственную тропинку къ вратамъ спасенія. Мы уподобляемся тому фарисею, который, стоя на молитвѣ въ храмѣ, говорилъ въ себѣ: „*Богъ, благодарю Тебя, что я не такъъ, какъ прочіе люди, грабителю, обидчику, прелюбодви...* Поцусь два раза въ недѣлю; даю десятую часть изъ всего, что приобретаю“ (Лук. 18, 11—12). Подобно ему, мы также механически произносимъ съ дѣтства затверженія молитвы, по привычкѣ ходимъ въ церковь, стараюсь однако попасть къ концу Богослуженія, соблюдаемъ даже постъ, понимая его въ смыслѣ замѣны скорѣмныхъ блюдъ постными и не помышляя объ ограниченіи вождельнѣй своей плоти. Но совершая все это, мы не думаемъ объ исправленіи своей жизни и дѣятельности, своей нравственности и своего поведенія и не даемъ себѣ труда поразмыслить о значеніи и важности того, что мы

совершаемъ и для чего совершаемъ. Между тѣмъ религіозные вопросы должны бы быть новы для всякаго времени и всегда представлять живой интересъ, потому что рѣшеніе ихъ неразрывно связано съ судьбою человѣка. Въ наше время люди мысли ищутъ для себя опоры въ знаніи. Правда, наука открыла много тайнъ природы и можетъ въ извѣстной степени руководить человѣкомъ. Но наукѣ не извѣстны ни начало и цѣль нашего бытія, ни тайны загробной жизни, ни тотъ идеальный міръ, къ которому порывается наша душа. Поэтому она не можетъ какъ бы изъ одного фокуса освѣщать все поле человѣческой дѣятельности и согрѣвать животворнымъ тепломъ каждое обнаруженіе человѣческаго самосознанія. Это въ состояніи сдѣлать только религіозное чувство и христіанская совѣсть, имѣющія своимъ источникомъ живую вѣру въ всемогущаго и всевидящаго Бога, готоваго покарать за всякое уклоненіе отъ нравственнаго закона и милующаго и награждающаго за доброе дѣло. Чтоже теперь? Слѣдуетъ ли, по примѣру Маріи Египетской, отрѣшиться „отъ міра и яже въ немъ“ и идти въ уединенныя мѣста, чтобы предаваться религіозному созерцанію и жить подъ непосредственнымъ внушеніемъ его? Что нужно слѣдовать призывамъ религіознаго чувства и указаніямъ христіанской совѣсти—это безспорно, но христіанство вовсе не требуетъ бѣгства изъ міра, презрѣнія къ трудамъ и заботѣ о тѣлѣ. Пустынничество, отшельничество и иноческая жизнь—великій подвигъ, къ которому способны весьма немногіе. Между тѣмъ въ себѣ мы ощущаемъ постоянную жажду приближенія къ божеству, неискоренимую потребность нравственнаго совершенствованія и конечно не должно подавлять, а всячески развивать ихъ. Но это удобно можно сдѣлать во всякомъ званіи и положеніи, при всякихъ дѣлахъ и обязанностяхъ, не оставляя своего мірскаго состоянія. Призваніе христіанъ—быть, „сынами Божиими“ (Мѡ. 5, 45) „сынами благодати“ (I Петр. 3, 7) и главнѣйшая задача ихъ жизни состоитъ въ удаленіи отъ грѣха, въ постоянномъ возвышеніи надъ своими страстями и вожделѣніями плоти. Этой идеи не знало дохристіанское время и ее впервые внесло въ міръ христіанство. Живой идеаль человѣка намъ данъ и показанъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ. Согласно этому идеалу, мы не должны осквернять своего тѣла низкими страстями, и подчиняться его похотямъ, а обязаны смотрѣть на него, какъ на *храмъ живущаго въ насъ Духа Святаго* (I Кор. 6, 19), чтобы мы могли прославлять Бога

„въ тѣлесѣхъ нашихъ и душахъ нашихъ, яже суть Божія“ (I Кор. 6, 20). Слѣдовательно о какихъ-либо крайностяхъ, излишествахъ, о какихъ-либо непотребствахъ, какія допускалъ древнегреческій міръ, не можетъ быть здѣсь и рѣчи. Въ области духовныхъ пожеланій и физическихъ отправленій воздержаніе должно быть нашимъ правиломъ, нашею нормою, подчиненіе плоти духу—главнымъ стремленіемъ. И такіе недосыгаемые образцы воздержанія и добродѣтели, какъ нынѣ чувствуется Марія, должны служить намъ, если не примѣрами для подражанія въ столь трудномъ дѣлѣ, то по меньшей мѣрѣ тѣми маяками, взирая на которые, мы могли бы приближаться къ пристани спасенія. Но здѣсь всего болѣе открывается необходимость руководства въ воспитаніи и въ жизни со стороны религіознаго чувства и совѣсти, потому что помимо ихъ ни одно руководственное начало не имѣетъ въ себѣ самомъ такой силы и обязательности для чело-вѣка въ борьбѣ съ соблазнами. Христіанское религіозное чувство и совѣсть—это два начала, которыя, дѣйствуя извнутри, управляютъ ходомъ человѣческой жизни и пересоздаютъ человѣческія общества. Безъ истинно благочестиваго чувства не можетъ быть ни истинной любви къ ближнимъ, ни взаимной честности и довѣрія, ни истиннаго стремленія къ общей пользѣ; ни постоянной преданности, вѣрности и уваженія къ закону, властямъ и отечеству. Только христіанское ученіе соединяетъ насъ съ Богомъ и съ нашими ближними и плоды его: „любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благодать, милосердіе, вѣра, кротость и воздержаніе“ (Гал. 5, 22—3). Напротивъ, чѣмъ менѣе оно оказываетъ вліянія на чело-вѣка, тѣмъ разрушительнѣе становятся дѣла плоти, въ томъ же мѣстѣ перечисленныя Апостоломъ: „*прелюбодѣліе, блудъ, нечистота, непотребство... вражда, ссоры, зависть, гнѣвъ, распри, разногласія, ереси, ненависть, убійства, пьянство, безчистство, и тому подобное*“ (5, 19—21). Для избѣжанія сихъ послѣднихъ прежде всего наше воспитаніе должно совершаться въ духѣ благочестія и проникнуто его животворнымъ дыханіемъ. Христіанская религія должна быть душою воспитанія и основаніемъ всѣхъ ученыхъ занятій. Одно умственное образованіе безъ нравственности и благочестія приноситъ мало пользы, если душа не укрѣплена въ добрѣ и не ограждена отъ обольщеній; скорѣе оно служитъ оружіемъ порока, обильнымъ источникомъ бѣдствій не только для частныхъ лицъ, но и для цѣлыхъ народовъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ наше время умственный

кругозоръ расширился болѣе, чѣмъ когда либо; общее образование сдѣлалось богаче, чувство нравственнаго долга шире... Но можно ли при этомъ сказать, что съ возвышеніемъ и расширеніемъ умственнаго образованія обезсилилъ и грѣхъ и сокрушилось его поработщающее вліяніе въ жизни людей? Приходится, напротивъ, признать, что грѣха еще прибавило и явились благовидныя извиненія ему, что преступленія совершаются чаще и ужаснѣе, пороки—утонченнѣе и отвратительнѣе. Одна только религія составляетъ твердое и надежное основаніе нравственности, служить крѣпкою опорою общественнаго благоустройства и созидаетъ не только вѣчное, но и временное благополучіе человѣка. Она назидаетъ и тамъ, куда не можетъ проникнуть око гражданскаго закона и голосъ общественнаго мнѣнія;—это свѣтильникъ, освѣщающій мѣста самыя сокровенныя и мрачныя, а потому способный предупредить тысячу злоупотребленій. И для человѣка, предоставленнаго самому себѣ, что можетъ служить опорой въ той внутренней борьбѣ добра со зломъ, добрыхъ наклонностей съ пороками, которая начинается еще на зарѣ его жизни и оканчивается съ закатомъ дней его въ гробѣ. Марія Египетская 12-ти лѣтъ оставила родительскій кровъ и въ теченіи 17-ти лѣтъ пребывала безъ всякаго руководства религіи и дошла до самой низкой степени нравственнаго паденія.

Отцы и матери! блюдите дѣтей своихъ, слѣдите за каждымъ ихъ шагомъ и въ особенности оберегайте чистоту ихъ религіознаго и нравственнаго чувства. Припомните, сколько совершается убійствъ, самоубійствъ и другихъ поистинѣ ужасныхъ преступленій въ самомъ раннемъ возрастѣ! А все это происходитъ отъ того, что у современнаго человѣка оскудѣла вѣра въ Бога и божественную благодать, „немошная врачующую“; ослабѣла вѣра въ Промыслъ Божій, которая удержала бы его отъ неразумныхъ поступковъ и внушила бы ему, что онъ не можетъ произвольно располагать своею жизнію, цѣли и назначенія которой онъ очевидно не понимаетъ. Но чтобы успѣшно воспитывать другихъ, прежде всего самимъ слѣдуетъ имѣть эти духовныя дарованія и обладать даромъ, наставляя юное поколѣніе въ истинахъ вѣры, не убивать въ нихъ, а развивать и укрѣплять источникъ жизни—„духъ животворящъ“! Христіанское религіозное чувство и совѣсть, насажденныя и возвращенныя умѣлою рукою, произведутъ возрожденіе и обновленіе сперва въ личной и семейной жизни, а

затѣмъ въ соціальной и государственной.... И когда же мы найдемъ болѣе благоприятное время подумать о своемъ исправленіи, какъ не во дни покаянія, поста и молитвы? Пусть каждый не обольщаетъ себя мыслию, что сперва де проживемъ, а тамъ еще успѣемъ покаяться. Въ жизни и смерти каждаго изъ насъ воленъ Богъ и чѣмъ старѣе болѣешь, тѣмъ требуетъ большихъ усилій для своего излѣченія.

Нынѣ чествуемая Марія много грѣшила, но зато и подвигъ ея былъ необычайный: она достигла равноапостольскаго совершенства послѣ 47 лѣтняго непрестаннаго поста молитвы и воздержанія. Кто же изъ насъ способенъ на это?—Для насъ—грѣшныхъ довольно будетъ, если мы сознаемъ свои недостатки и слабости и будемъ болѣе внимательны къ себѣ; достаточно будетъ, если мы постараемся воздержаться отъ грѣха и сохранить чистымъ и незапятнаннымъ челоувѣческой образъ, чтобы сдѣлаться достойными войти, хотя бы послѣдними, въ царство Божіе, гдѣ обитають и блаженствуютъ недосягаемые образцы христіанскаго совершенства!

Я Чрединъ.

Нанутствованіе умирающаго, какъ неотложная обязанность священника ¹].

Православная Церковь, требуя отъ здоровыхъ тщательнаго приготовленія къ исповѣди и св. причастію, позволяетъ нанутствовать св. тайнами больныхъ только съ краткою предварительною исповѣдью, какъ указано въ Требникѣ. Но каноническимъ правиламъ даже отлученные на извѣстное время отъ св. причащенія, въ случаѣ смертной опасности, удостоиваются принятія св. Тайнъ, „какъ послѣдняго и нужнѣйшаго нанутствія“ ²). Такое снисхожденіе къ умирающимъ Церковь Христова оказываетъ на томъ основаніи, что исповѣдь и

¹) „Руководство для сельскихъ пастырей, 1894 г. № 6.

²) I Вселенск. соб. 13-е прав., Анкирск. соб. 6-е прав.

пріобщеніе св. Таинъ, примиряя челоуѣка съ его совѣстію, успокоительно дѣйствуютъ на его душу, облегчаютъ мучительныя страданія, скорби душевныя и служатъ для него залогомъ вѣчной жизни. Такое же примиряющее и успокаивающее дѣйствіе производитъ послѣднее напутствіе и на присныхъ и знаемыхъ умирающаго. Общехристіанское сознаніе необходимости и благотворности послѣдняго напутствія подтверждается святоотеческими твореніями. Такъ, напр., святитель Златоустый говоритъ, что „отходящихъ изъ этой жизни, если они при кончинѣ причастились св. Таинъ съ чистою совѣстію, ангелы, окружая со славою по причинѣ принятаго ими (таинства), отводятъ отсюда“³). Если же мы обратимъ вниманіе на душевное состояніе умирающихъ, то также убѣдимся въ необходимости и важности для христіанина послѣдняго напутствія. На краю земной жизни, которая у каждаго челоуѣка переполнена грѣхами, ему дается возможность свергнуть съ себя грѣховное бремя: напутствованіе св. тайнами служить къ очищенію грѣховъ, оправданію въ жизни будущей, залогомъ живота вѣчнаго (Іоан. 6, 50—57). Если послѣднее напутствіе, вслѣдствіе такихъ благотворныхъ дѣйствій, должно быть вождельно для умирающаго христіанина, то лишеніе его безутѣшнѣе всѣхъ скорбей смерти. Потому-то и св. Церковь вмѣняетъ пастырямъ въ непремѣнную обязанность безотлагательно снѣшить къ одру умирающаго со св. Тайнами и считаетъ тяжкимъ грѣхомъ неисполненіе этой обязанности. „Если и одинъ только христіанинъ умереть не пріобщеннымъ св. Таинъ, не все ли свое спасеніе потерялъ ты, пресвитерь? Погибель и одной души христіанской такъ велика, что никакими словами изобразить того нельзя“⁴). Священникъ является, какъ Ангель Божій, вѣстникъ правды и милосердія Божія, какъ врачъ духовный, могущій исцѣлить духъ страждущаго, укрѣпить его для борьбы съ ужасами смерти, утѣшить его надеждою воскресенія и безсмертія, когда всѣ утѣшенія присныхъ и пособія врачей уже не нужны умирающему. Въ исторіи Церкви было не мало примѣровъ обращенія къ Богу, раскаянія и оправданія предъ смертію невѣрующихъ и великихъ грѣшниковъ, вслѣдствіе бесѣды священника съ

³) О священствѣ кн. 6.

⁴) Бесѣд. на Дѣян. Апост. Златоустъ.

умирающимъ и напутствованія его св. тайнами, были примѣры дѣя- ствія спасительной силы благодати Божіей, перерождавшей грѣшника въ мужа праведнаго предъ его смертію въ самое короткое время, тогда какъ, казалось, нужны были годы продолжительной борьбы и дѣятельности для такого перерожденія. Такъ благодать Божія, оправдавшая благоразумнаго разбойника на крестѣ, преизбыточеству- етъ тамъ, гдѣ умножился грѣхъ. Это — неисповѣдимая тайна Божія! Вотъ почему и въ настоящее время церковныя законоположенія обя- зываютъ каждаго священника „быть стражемъ день и ночь съ по- каеніемъ и причащеніемъ“⁵). Ни одинъ священникъ, на просьбы хотя бы и чужихъ прихожанъ, не въ правѣ отказываться отъ исполненія этой требы, если бы приходскій священникъ почему нибудь не могъ скоро прибыть къ больному. Священникъ, по нерадѣнію своему, до- пустившій больного умереть безъ просимаго имъ напутствованія св. Тайнами, отрѣшается отъ мѣста и опредѣляется въ причетники до раскаянія и исправленія, а смотря по важности обстоятельствъ, мо- жетъ быть даже и совсѣмъ лишень сана⁶). Неизвѣстившіе же свя- щенника своевременно о необходимости напутствованія больного подлежатъ отлученію отъ причащенія⁷). Даже при совершеніи ли- тургіи, если до великаго входа служащаго священника позовутъ крестить умирающаго младенца или исповѣдывать и причащать тяжело больного, находящагося въ смертной опасности, — священникъ дол- женъ тотчасъ поспѣшить къ больному и, сдѣлавъ все необходимое, снова возвратиться въ церковь и окончить литургію по обычаю⁸). Если больной будетъ находиться очень близко и погода не будетъ препятствовать, священникъ можетъ отправляться въ полномъ обла- ченіи⁹). Но если позовутъ священника для исполненія указанныхъ

⁵) Святительск. поучен. новопоставлен. іерею.

⁶) Уст. Дух. Консисг., ст. 97, 183.

⁷) О должностяхъ пресвитер. приходск., § 116.

⁸) Учит. извѣст. въ служебн.

⁹) Дополнен. къ учителя. извѣст. Во все это время стоящій въ церкви народъ долженъ бытъ занятъ чтеніемъ или Апостола, или псалмовъ, или кано- новъ, или поученіемъ.

требъ *по великомъ входѣ*, то онъ *не долженъ прекращать литургіи*, а, предоставивъ волю Божіей, *поспѣшитъ съ окончаніемъ* богослуженія по уставу и затѣмъ, если успѣеть, отправиться на мѣсто и совершить по указанному. Вотъ единственный случай, обязывающій священника отложить на нѣкоторое время преподаваніе послѣдняго напутствія. Само собою разумѣется, что священникъ долженъ отправиться для напутствованія больного, если будетъ позванъ во время совершенія вечерни и утрени: откладывать напутствіе до окончанія этихъ службъ можетъ быть дѣломъ небезопаснымъ. Смерть прихожанина безъ напутствованія его св. тайнами, особенно если это произошло не безъ вины священника, должна возбуждать въ немъ искреннее соболѣзнованіе и самоосужденіе. Разительный примѣръ этого передаетъ намъ св. Григорій Великій въ разсказѣ о св. пресвитерѣ Севирѣ. Одинъ умирающій послалъ къ Севиру съ просьбою поспѣшить для преподаванія послѣдняго напутствія. Случилось, что Севиръ, находясь въ то время въ виноградникѣ, сказалъ посланному: „иди, — я догоню тебя“. Видя, что гроздій осталось немного, священникъ рѣшился подождать нѣсколько, чтобы окончить работу, а потомъ отправиться къ больному. Но на пути Севиръ повстрѣчалъ людей, бывшихъ у больного, которые сказали ему: „зачѣмъ замедлил ты? уже не трудись: больной умеръ“. Священникъ пришелъ въ трепетъ, сталъ горько плакать, называя себя убійцею. Съ плачемъ пришелъ онъ въ домъ, гдѣ былъ умершій, повергся на землю предъ одромъ его, громко рыдалъ, называя себя виновникомъ смерти его. Среди этихъ рыданій умершій ожилъ, чѣмъ привелъ всѣхъ свидѣтелей чуда въ ужасъ и радость, разсказалъ о томъ, что какія-то мрачныя существа ввели его въ темное мѣсто, но на встрѣчу имъ явился свѣтлый юноша съ путниками и повелѣлъ мрачнымъ существамъ возвратити умершаго, потому что пресвитеръ Севиръ плачетъ о немъ, и ради слезъ его Господь даровалъ ему этого человѣка. Съ несказанною радостію Севиръ всталъ съ земли, возблагодарилъ Господа, разрѣшилъ воскресшаго отъ грѣховъ, причастилъ его божественныхъ таинъ, — и на 8-й день воскресшій скончался въ радости ¹⁰).

¹⁰) Григор. Двоесл. О жизни Италійскихъ Отцевъ, кн. 11, гл. 6. Курскія Епарх. Вѣдом. 1893 г.

Вотъ какъ древніе пастыри скорбѣли и винили себя въ случаѣ внезапной смерти ихъ пасомыхъ безъ послѣдняго напутствія. Этотъ примѣръ показываетъ и то, какъ важна и неотложна обязанность пастыря напутствовать умирающихъ преподаніемъ св. таинъ, чтобы самому священнику не подвергнуться вѣчному осужденію и за гибель одной овцы, а о всѣхъ сказать съ дерзновеніемъ: *се азъ и дѣти, яже ми далъ еси*, Господи!

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШІЙ ФИЛАРЕТЪ,

митрополитъ московскій и коломенскій.

(Продолженіе *).

Плодотворна была распорядительная дѣятельность м. Филарета, когда въ половинѣ сентября 1830 года въ Москвѣ появилась и быстро охватила всѣ кварталы города холера, безъ пощады истреблявшая незнакомыхъ дотолѣ съ этою болѣзью москвичей ¹³⁵). Обязанный, согласно Высочайшему повелѣнію, оставить Москву и прибыть въ С.-Петербургъ при первомъ обнаруженіи эпидеміи, но испросившій себѣ разрѣшеніе остаться въ Москвѣ, „чтобы и умирать со своими, въ сомнительное время быть у своего мѣста ¹³⁶), м. Филаретъ принималъ живѣйшее участіе въ составившемся по случаю распространенія холеры медицинскомъ консиліумѣ. Ему принадлежить составленіе протокола этого комитета медиковъ о мѣрахъ предосторожности и гигиены ¹³⁷). Онъ же, совершая крестные ходы и усиленные молитвословія и будучи выразителемъ народной благодарности прибывшему въ это тяжелое время въ Москву Госу-

*) См. «Дух. Вѣстн. Груз. Экзархага» № 2-й 1894 г.

¹³⁵) Въ это время холера истребила $\frac{1}{60}$ населенія Москвы.

¹³⁶) „Твор. Свв. отцовъ“, кн. II, 1887 г.

¹³⁷) Собран. мѣн. и отз. м. Фил., т. II, № 204.

¹³⁸) Полн. собр. сочин. м. Фил., стр. 153—156.

дарю ¹³⁸⁾, не мало содѣйствовалъ поднятію упавшаго, унылаго духа москвичей и, такимъ образомъ, способствовалъ скорѣйшему прекращенію губительной болѣзни.

Въ 1853 году открылась крымская война. Война эта, начатая со стороны Россіи за святое дѣло освобожденія христіанъ изъ-подъ гнета турецкаго владычества, вызвала противодѣйствіе со стороны западно-европейскихъ державъ. Англія, Франція, Италія и Турція заключили между собою союзъ, къ которому нѣкоторымъ образомъ примкнула и Австрія. Такимъ образомъ, приходилось бороться почти со всѣми силами Европы. Борьба, очевидно, была неравная. Для болѣе или менѣе успѣшнаго веденія этой борьбы требовалось усиленное напряженіе всѣхъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ Россіи. Нужны были чрезвычайныя пожертвованія. М. Филаретъ, можно сказать, первый подаль примѣръ въ этомъ дѣлѣ. По его инициативѣ и заботамъ, на потребности православныхъ воиновъ и войны было собрано сперва 500,000 руб., а потомъ и еще 110,600 руб. ¹³⁹⁾.

Однимъ изъ великихъ дѣлъ царствованія въ Бозѣ почившаго Императора Александра II была крестьянская реформа, отмѣнившая крѣпостную зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ и обезпечившая личную свободу и отчасти поземельный бытъ 52-хъ милліоновъ населенія Россіи. Этотъ великій историческій актъ, какъ извѣстно, произведенъ былъ Высочайшимъ манифестомъ 19 февраля 1861 года. Редакція же этого манифеста, заканчивающагося многознаменательными и достопамятными словами—„осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго“—, принадлежитъ перу м. Филарета ¹⁴⁰⁾. Кромѣ того, маститый московскій святитель, предусматривавшій возникновеніе недоразумѣній съ открытіемъ великаго переустройства въ русской жизни, позаботился дать инструкцію священно—и—церковнослужителямъ—подъ заглавіемъ: „Обязанности приходскаго духовенства при предстоящей перемѣнѣ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ“ ¹⁴¹⁾.

¹³⁹⁾ Собр. мѣн. и отз. м. Фил., т. IV, № 406.

¹⁴⁰⁾ Собр. мѣн. и отз. м. Фил., т. V, ч. перв., № 568.

¹⁴¹⁾ Собр. мѣн. и отз. м. Фил., т. IV, № 560.

Вообще нужно сказать, что м. Филаретомъ были обсуждаемы всѣ важнѣйшіе вопросы современной жизни. Такъ, напр., можно еще отмѣтить вопросъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Прежде чѣмъ этотъ вопросъ рѣшенъ былъ указомъ, отъ 17-го апрѣля 1863 года, объ измѣненіи системы уголовныхъ и исправительныхъ наказаній, онъ былъ предложенъ на обсужденіе м. Филарету. Въ своемъ мнѣніи по этому предмету м. Филаретъ сначала заявилъ, что вопросъ объ употребленіи или неупотребленіи тѣлесныхъ наказаній въ государствѣ стоитъ въ сторонѣ отъ христіанства, такъ что, если государство можетъ отказаться отъ употребленія наказаній этого рода, христіанство одобрить эту мѣру, если же государство найдетъ необходимымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ употреблять тѣлесныя наказанія, христіанство не осудитъ этой строгости, „только бы наказаніе было справедливо и не чрезмѣрно“. Потомъ въ разрѣзъ съ взглядомъ большинства ученыхъ юристовъ-криминалистовъ м. Филаретъ не безосновательно доказалъ, что тѣлесное наказаніе не дѣйствуетъ разрушительно на нравственность и не поражаетъ въ преступникѣ чувство чести и что тѣлесныя наказанія не могутъ быть совершенно уничтожены и замѣнены тюремнымъ заключеніемъ, такъ какъ для этой цѣли потребовались бы громадныя издержки, слишкомъ обременительныя для честныхъ гражданъ ¹⁴²⁾.

Отношеніе митрополита Филарета къ единовѣрью, расколу старообрядчества и сектантству, къ униатамъ, лицамъ инославныхъ происхожденій и иновѣрцамъ.

Наложенную на раскольниковъ клятву московскаго собора 1667 года м. Филаретъ изъяснялъ въ томъ смыслѣ, что клятва эта простирается лишь на непокоряющихся іерархической власти и что она не относится къ содержащимъ двуперстіе, сугубое аллилуія и другія церковно-обрядовыя разности, которыми отличаются раскольники отъ православныхъ ¹⁴³⁾. Затруднительный вопросъ о томъ, законно

¹⁴²⁾ Собр. мнѣн. и отв. м. Фил., т. V, ч. перв., № 616; Сушковъ—, Запис. о жиз. м. Фил.“ Прилож. XXXII.

¹⁴³⁾ Собран. мнѣн. и отвѣв. м. Филар. т. III, № 395; т. дополн., № 109; Слов. и рѣч. м. Фил., изд. 1885 г., т. V, стр. 376—377.

ли поступила русская церковь, когда въ концѣ прошлаго столѣтія приняла раскольниковъ въ свое общеніе на правахъ единовѣрія, м. Филаретъ рѣшалъ слѣдующимъ образомъ. „Раскольниковъ“, писалъ онъ, „устраняють отъ общенія церковнаго слѣдующія препятствія: 1) что они православную церковь почитаютъ еретическою; 2) что не повинуются церковной іерархіи; 3) что употребляютъ нѣкоторые особенные обряды... Цервья два препятствія существенны, а третье не существенно, потомучто въ оныхъ обрядахъ, хотя менѣ правильныхъ, не заключается противнаго существеннымъ догматамъ вѣры. Ноелику первья два препятствія единовѣрцы въ себѣ уничтожили, потомучто признали церковь святою и вступили въ послушаніе іерархіи, то православная церковь правильно приняла ихъ въ общеніе и дала имъ священниковъ, оказавъ снисхожденіе въ допущеніи несущественной разности въ обрядахъ, такъ какъ въ православныхъ церквахъ по временамъ, по странамъ нѣкоторыя мѣстныя несущественныя разности въ обрядахъ издревле допускаемы были безъ осужденія. При семъ предшественники наши только въ томъ не съ строгою точностью поступили, что удовлетворились предположеніемъ согласія восточной іерархіи, участвовавшей въ осужденіи раскольниковъ, а не испросили согласія ея надлежащимъ сношеніемъ“...¹⁴⁴). А чтобы загладить этотъ послѣдній пробѣлъ въ дѣйствіяхъ церковной власти и чтобы такимъ образомъ прекратить возраженіе раскольниковъ, что русскій Св. Синодъ самъ по себѣ, безъ оффиціального согласія восточныхъ патріарховъ, не имѣлъ права снять проклятіе, которому подверглись глаголемые старообрядцы на московскомъ соборѣ 1667 года, и что поэтому принимающіе единовѣріе не освобождаются отъ соборнаго проклятія и, слѣдовательно, переходъ изъ раскола въ единовѣріе теряетъ свой *raison d'être*,—м. Филаретъ подаль мысль о необходимости для русской церкви войти по этому предмету въ сношеніе съ православнымъ Востокомъ и представилъ самый проэктъ посланія Св. Синода къ вселенскому патріарху о сложеніи съ единовѣрцевъ клятвы, произнесенной московскимъ соборомъ 1667 г.¹⁴⁵).

При м. Филаретѣ совершились и важнѣйшія событія въ едино-

¹⁴⁴) Собран. мѣн. и отз. м. Фил. т. IV, № 483.

¹⁴⁵) Собран. мѣн. и отз. м. Фил. т. IV, №№ 484 и 514.

вѣрческомъ мѣрѣ на Рогожскомъ и Преображенскомъ кладбищахъ этихъ центрахъ поповщинскаго и безпоповщинскаго толковъ раскола старообрядчества. Такъ, въ 1854 году одна изъ раскольническихъ часовень на Рогожскомъ кладбищѣ была освящена м. Филаретомъ для единовѣрческаго храма въ честь св. Николы. Это было первое торжество единовѣрцевъ на Рогожскомъ кладбищѣ. Совершилось оно по Высочайшему повелѣнню вслѣдствіе всеподданнѣйшаго Синодальнаго представленія, основаннаго на представленіи и ходатайствѣ м. Филарета ¹⁴⁶). Къ 1862 году эта Никольская единовѣрческая церковь пришла въ ветхость, но, по совѣту и благословенію м. Филарета, ктиторъ Аласинъ возобновилъ ее на собственный счетъ.

Не менѣе плодотворна была дѣятельность м. Филарета и на Преображенскомъ кладбищѣ. Въ 1854 году на этомъ кладбищѣ приняли единовѣріе нѣсколько раскольниковъ—безпоповцевъ, пожелавшихъ обратить бывшую ихъ моленную въ единсвѣрческую церковь, хотя этому сильно противились оставшіеся въ расколѣ безпоповцы. Митр. Филаретъ съ радостью принялъ просьбу новообращенныхъ, въ скоромъ времени исхлопоталъ на это разрѣшеніе Св. Синода и самъ совершилъ освященіе вновь устроенной единовѣрческой церкви. А въ 1866 году, благодаря старанію м. Филарета, на Преображенскомъ кладбищѣ торжественно открытъ мужской единовѣрческой монастырь (Успенскій). Кромѣ того, при м. Филаретѣ, вѣроятно, не безъ его вліянія къ единовѣрцію присоединились Онуфрій и Пафнуцій, перемѣнившіе свое лжеепископство на простое и скромное иночество.

Насколько велико значеніе м. Филарета для единовѣрія и уваженіе къ нему единовѣрцевъ, можно ясно видѣть изъ слѣдующаго. „Намъ всегда памятны ваши неусыпныя, благія и отеческія попеченія о насъ и о нашемъ благоустроеніи“, свидѣтельствовали единовѣрцы предъ м. Филаретомъ въ день пятидесятилѣтняго юбилея его архипастырскаго служенія. „Московское единовѣріе ведетъ начало своего усовершенствованія, умноженія и распространенія со времени вашего архипастырскаго пасенія... Вашими неусыпными трудами и проповѣдываніемъ слова Божія свѣтъ христіанскаго истиннаго ученія

¹⁴⁶) Там. т. IV, № 430 и 466; т. III, № 397; т. доп., № 109.

проникъ даже и въ тѣ мѣста, въ которыхъ заготовлялся и хранился запасъ раздоровъ, распрей и тьмы суевѣрія на ратоборство со св. Церковью. Вашими доблестными заботами и стараніями основаны храмы Бога живаго въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыя входъ истиннаго свѣта Христова затворялся и тщательно заграждался всѣми усиліями закоренѣлаго раскола ¹⁴⁷). А послѣ кончины м. Филарета московскіе единовѣрцы постановили ежегодно (въ 19-й день ноября) совершать для его поминовенія заупокойную литургію съ панихидой и учредили при Никольскомъ единовѣрческомъ монастырѣ иконописню, названную „Филаретовскою“.

На русскій расколъ старообрядчества м. Филаретъ смотрѣлъ, какъ на „поврежденную отрасль православнаго вѣроисповѣданія“, ¹⁴⁸) которая наиболѣе основана на невѣжествѣ ¹⁴⁹),—какъ на „застарѣлую болѣзнь ¹⁵⁰).

Относительно происхожденія раскола старообрядчества м. Филаретъ проводилъ ту мысль, что „расколъ произошелъ, сколько отъ неповиновенія церкви, столько же отъ мятежа противъ государства и своимъ усиленнымъ прозелитизмомъ непрестанно дѣйствуетъ во вредъ единству церковному и государственному“ ¹⁵¹). „Въ прежнія времена“, по мнѣнію м. Филарета, „расколъ имѣлъ значеніе преимущественно церковное, и въ глазахъ императрицы Екатерины II раскольники еще могли казаться болѣе смѣшными или жалкими, нежели опасными. Но въ настоящее время расколъ имѣетъ важное значеніе преимущественно въ гражданскомъ отношеніи. Это ужасная и непрестанно распространяющаяся государственная язва, которая требуетъ неотложнаго и серьезнаго врачеванія. Раскольники раздѣляются на многія секты, но всѣ они сходятся въ одномъ пунктѣ, что не признаютъ Государя помазанникомъ Божиимъ и не почитаютъ никакой власти законною, которой бы должно было повиноваться по совѣсти, и потому-то отъ нѣкоторыхъ гражданскихъ постановленій они разными недозволенными средствами уклоняются; а другія

¹⁴⁷) „Странникъ“ 1867 г. ч. IV, стр. 115—116.

¹⁴⁸) Собран. мнѣн. и отв. м. Фил. т. III, № 267.

¹⁴⁹) Там. т. II, № 223.

¹⁵⁰) Там. т. III, № 380.

¹⁵¹) Собран. мнѣн. и отв. м. Филар. т. IV, № 490.

исполняются, по ихъ выраженію, только для явности, страха ради іудейска¹⁵²). Какъ на доказательство того, что на расколъ нельзя смотрѣть съ исключительно церковной точки зрѣнія, нельзя признавать его только оппозиціей церковно-обрядовой реформѣ патріарха Никона, а что расколъ въ лицѣ его вожаковъ есть *sui generis* объединяющая сила, душа оппозиціоннаго народнаго движенія противъ государственнаго строя, м. Филаретъ указывалъ между прочимъ на то обстоятельство, что при восшествіи на престолъ Государя Императора Александра II-го раскольники московскаго Рогожскаго кладбища и № 114 дружины государственнаго ополченія въ продолженіи двухъ дней упорно уклонялись отъ принесенія вѣрноподданнической присяги въ православномъ храмѣ и при православномъ священникѣ¹⁵³).

Живучесть раскола, не смотря на непрерывную двухвѣковую борьбу съ нимъ и гражданскаго правительства, и церковной власти, м. Филаретъ объяснялъ такимъ образомъ: „должно замѣтить, что между крестьянами и мѣщанами и особенно ихъ женами многіе держатся раскола искренно; но между купцами и въ особенности молодыми весьма немногіе вѣруютъ въ расколъ, но остаются въ немъ или по выгодамъ, происходящимъ отъ ихъ коммерческихъ связей, или по наклонности къ своеволію и распутству, дозволяемому ихъ жевѣрованіемъ, или изъ опасенія преслѣдованія отъ могущественныхъ старшинъ. Что же касается до ихъ старшинъ или коноводовъ, то для нихъ расколъ есть промыселъ, доставляющій имъ большія выгоды и почетъ¹⁵⁴).

Священникъ Меодій *Авдашкевичъ*.

(Продолженіе будетъ).

¹⁵²) Собран. мн. и отв. м. Фил. т. IV, № 478.

¹⁵³) Там. т. IV, №№ 471, 403, 404, 405 и 408.

¹⁵⁴) Там. т. IV, № 478.

Двѣнадцативѣковая религіозная борьба Православной Грузіи съ Исламомъ.

(Оковчаніе *).

Гдѣ теперѣ тѣ многіе современные грузинамъ народы, которые наполнили древній міръ славою своего величія, шумомъ своихъ побѣдъ! Гдѣ Финикіяне, Вавилоняне, Ассиріяне, Мидяне, Лидяне, Ниневитяне, Халдеи, Уды, Хозары, Сарматы, Аланы, Албанцы и друг., которые вслѣдствіе гражданскихъ переворотовъ давно исчезли съ лица земли, мало оставивъ по себѣ слѣдовъ въ историческихъ памятникахъ прошлаго. Гибли въ древности народы, стоявшіе во многихъ отношеніяхъ выше Грузинъ, не оставивъ даже своего имени племенамъ, живущимъ на ихъ руинахъ, а грузины пережили ихъ, никогда не падая окончательно подъ бременемъ страдальческаго креста. Малолюдная народомъ, но крѣпкая преданностью своихъ сыновъ, Грузія не разъ падала въ неравной борьбѣ, но каждый разъ паденіе ея влекло за собою новое возрожденіе и чѣмъ больше Грузія испытывала несчастій, тѣмъ съ большей энергіей она возрождалась и ополчалась во имя святого креста. Православный крестъ, говоритъ г. Марковъ, невольно становился отечествомъ грузина, символомъ его народности, защита христіанства—задачею всей его исторіи. Грузинскій народъ это истинный народъ—крестоносецъ. Какъ у рыцаря-крестоносца, вся жизнь этого народа дѣлилась между молитвою и кровавымъ боемъ съ исламомъ. Болѣе чѣмъ цѣлое тысячелѣтіе не выпускалъ онъ изъ своихъ рукъ меча, и если христіанскій крестъ не былъ вышитъ на плечѣ его мантии, то онъ былъ за то неизгладимо врѣзанъ въ самое сердце народа⁵). Грузины съ рѣдкимъ самоотверженіемъ переносили всевозможныя страданія для того, чтобы отстоять отечественное православіе и передать его своему потомству, какъ величайшее сокровище, унаслѣдованное отъ предковъ.

Грузія—тотъ величайшій жертвенникъ истиннаго Бога, на которомъ самоотверженные сыны священнаго удѣла Богоматери ХП вѣковъ въ борьбѣ съ исламомъ приносили себя въ жертву за защиту православной вѣры, родины и національности. Она, слѣдовательно,

*) См. „Дух. Вѣстн. Груз. Экз.“ № 23, 1893 г.

⁵) „Очерки Евг. Маркова. Сиб. 1887 г. ч. II: народъ крестоносецъ“, стр. 210.

священный ковчегъ костей мучениковъ, пострадавшихъ отъ магометанъ за имя Христово. Нѣтъ христіанскаго семейства въ Грузіи, которое въ своемъ родѣ не имѣло бы мученика.

Умирало поколѣніе, нарождалось новое, а борьба съ мусульманами все продолжалась. Честь и слава православной Грузіи, что она имѣла такихъ сыновъ, которые, смѣняясь поколѣніями, безсмѣнно и неизмѣнно воспитывали истинныхъ ратоборцевъ, защитниковъ православія и отчизны.

Магометане, неоднократно побѣждавшіе Грузію, старались привлечь на свою сторону духовенство ея, оказывая ему милости и благоволеніе, но духовные наши пастыри сами всегда служили примѣромъ твердости и непоколебимости въ вѣрѣ и любви къ своему отечеству. Они были въ эти несчастныя времена примирителями враждовавшихъ царей и непокорныхъ феодаловъ и сотрудниками ихъ въ подвигахъ на пользу отечества; они ободряли унывавшій народъ, раздѣляли съ нимъ всѣ горести и подкрѣпляли его силы внушеніемъ ему надежды на Провидѣніе; многіе изъ нихъ томились въ узахъ и отъ голода, но ничто, — даже пытки и страданія не могли поколебать ихъ вѣрности къ своей церкви и отечеству, многіе изъ нихъ пали подъ мечами магометанъ, кровью своею запечатлѣвъ священные обязанности своего сана.

Въ ожесточенной борьбѣ православія съ магометанствомъ притупились острые мечи мусульманъ о твердую скалу Православной Грузіи, и грузинская церковь, очищенная въ горнилѣ искушеній, подобно ковчегу патріарха Ноя, носилась надъ пучиною водъ, сохранивъ въ этой продолжительной религіозной борьбѣ духъ истиннаго благочестія и любовь къ древней Апостольской, Православной вѣрѣ, для которой она пріобрѣла сотни тысячъ смиренныхъ слугъ христовыхъ среди Кавказскихъ горцевъ. Чтобы составить хоть приблизительное понятіе о протекшей судьбѣ Грузіи въ борьбѣ съ врагами христіанской религіи, достаточно сказать, что столица Грузіи Тифлисъ со дня своего основанія (455 г.) по 1795 годъ 29 разъ подвергался осадамъ, нашествіямъ и разореніямъ⁶). Понятно послѣ этого, какой участи должны были подвергнуться менѣе укрѣпленныя

⁶) Крат. историч. очеркъ г-р. Тифлиса. Изд. Кавказ. статист. ком. стр. 45.

провинці царства, надъ которыми также постоянно висѣлъ дамокловъ мечъ. Грузинскія развалины краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о громадности пережитыхъ Грузіей несчастій.

„Если бы не Господь былъ съ нами, должны мы сказать съ псалмопѣвцемъ, еслибы не Господь былъ съ нами, когда возстали на насъ люди, то живыхъ они поглотили бы насъ, когда возгорѣлась ихъ ярость на насъ; воды потопили бы насъ... Благословенъ Господь, который не далъ въ добычу зубамъ ихъ... И мы избавились. Помощь наша въ имени Господа, сотворившаго небо и землю“.

Долго и терпѣливо переносили наши предки опустошительныя нашествія нафанатизированныхъ магометанъ, безропотно шли по тернистому пути, неся страдальческій крестъ свой и признавая въ этомъ промыслительную десницу Божественную. Неисповѣдимый въ своихъ Божественныхъ путяхъ, предназначившій каждому народу свою судьбу, *наказуя, наказалъ насъ Господь*, смерти же и конечному истребленію *насъ не предалъ*. Смиловался, наконецъ, Господь надъ многострадальной и покорной Грузіей, и воздвигъ нашимъ предкамъ спасеніе въ единовѣрной Россіи. Грузины, истекающіе кровью, обратили страдальческіе свои взоры на сѣверъ, гдѣ подымался грозный колоссъ. „Грузины, свидѣтельствуетъ профессоръ А. Цагарели, подобно самоотверженному гарнизону, окруженному со всѣхъ сторонъ непріятельской арміей, съ безпримѣрнымъ мужествомъ, приводившимъ въ изумленіе самихъ враговъ, выдержали осаду и выдержали, пока съ сѣвера не подоспѣло подкрѣпленіе (памятники грузинской старины въ святой землѣ и на Синаѣ. А. Церетели. Православн. Палестин. Сборн. т. IV, ст. V).

Передовые люди, представители народа грузинскаго, давно высказали рѣшительное желаніе передать свое царство подъ защиту Россіи, которая одна только могла уврачевать ея раны. Георгій XII (1798—1800) г.), послѣдній царь Грузіи, видя безпомощное положеніе своего царства, рѣшилъ передать его Россіи. Самъ царь Георгій стоялъ при дверяхъ гроба; братья и дѣти его, питая другъ къ другу непримиримую ненависть, спорили о шаткомъ престолѣ и готовились истерзать несчастный народъ междуусобіями. Младшій братъ Георгія, царевичъ Александръ передался Персіи, царь Георгій на смертномъ одрѣ далъ вельможамъ своимъ спасительный совѣтъ присоединиться къ Россіи, для осуществленія котораго немедленно

было снаряжено посольство въ С.-Петербургъ. Уважая честь и достоинство Имперіи, снисходя къ просьбамъ грузинскаго народа, Императоръ Александръ I-й рѣшился: „въ царствѣ грузинскомъ, ради собственнаго его блага, устроить правленіе и порядокъ“⁷). „Не для приращенія силы, сказано было въ Высочайшемъ Манифестѣ, ни для распространенія предѣловъ и такъ обширнѣйшей въ свѣтѣ Имперіи пріемлемъ Мы на себя бремя управленія царства грузинскаго. Единое достоинство, единая честь и челоѣчество налагаютъ на Насъ священный долгъ, внявъ моленію страждущихъ, въ отвращеніе ихъ скорбей, учредить въ Грузіи правленіе, которое могло бы утвердить правосудіе, личную и имущественную безопасность и дать каждому защиту закона“⁸).

Восторгъ грузинъ, при полученіи этого манифеста, превосходилъ всякое описаніе; все вдругъ переродилось и ожило въ Грузіи какъ бы по единому мановенію державнаго жезла. О, сколько тогда чистыхъ и непорочныхъ устъ возносило сердечныя мольбы свои ко Господу о драгоцѣнномъ здравіи избавителя Грузіи Императора *Александра I-го Благословеннаго*.

„Могучій Орелъ Россіи осѣнилъ Грузію крылами своими. Громовержець съ высоты небеснаго семизвѣздія Сѣвера внялъ мольбамъ Православной Иверіи. Онъ присоединилъ сиротствующую къ Царскому гнѣзду своему, и ей возвращаетъ похищенное ястребами ислама и изуверства“⁹).

Да, повторимъ и мы вмѣстѣ съ другими, настали для насъ другія, лучшія времена. Теперь уже нечего намъ страшиться, чтобы дикія орды нафанатизированныхъ мусульманъ разрушали наши храмы и города и уводили цѣлты населенія въ неволю! Теперь отъ насъ самихъ, отъ нашей энергіи, зависитъ наше преуспѣяніе на пути прогресса и цивилизаціи!

Г. Садзгеловъ—Иверіели

⁷) Рескриптъ Кронингу 12-го сентября 1801 года.

⁸) Георгій XII-й, послѣд. царь Грузіи. Дубровина, 238; матер. для нов. ист. Кавк. Буткова, стр. 488.

⁹) Объясненіе изображенія на медали, отчеканенной въ память присоединенія Грузіи къ Россіи. Нумизм. факты грузин. царс. Баратова, прилож. стр. 22.

Нѣсколько словъ о почитаніи святыхъ въ Мухаммеданствѣ вообще
и у Кавказскихъ мусульманъ въ частности.

Мухаммеданство, повидимому, не допускаетъ и не можетъ допустить почитанія святыхъ, вслѣдствіе своего абсолютно-монотеистическаго представленія о божествѣ и своеобразнаго ученія о человѣкѣ и ангелахъ.

Основной догматъ Ислама (многokrатно повторяемый Кораномъ): „Богъ единъ, нѣтъ Ему соименнаго и достопоклоняемаго“, — доведенъ въ мухаммеданскомъ богословіи до абсолютизма, безпредѣльно возвышающаго Аллаха и чрезмѣрно унижающаго человѣка. Мусульманская догматика къ одному только божеству относитъ всѣ совершенства, ему лишь, въ собственномъ смыслѣ, она приписываетъ все доброе и великое. Напротивъ, человѣкъ, по изображенію той же догматики, — созданіе ничтожнѣйшее, безусловно зависящее отъ силы божества и неимѣющее съ нимъ ничего общаго и сходнаго. Не только простые люди, но и самъ Мухаммедъ, посланникъ Аллаха, не имѣетъ такихъ преимуществъ предъ другими, по смыслу Корана, какія давали бы ему право быть объектомъ почитанія и поклоненія: и онъ такой же грѣшникъ и слабый, какъ и всѣ люди¹⁾. Мало того, слѣдующаго ученія Корана и мусульманскаго богословія, даже ангеламъ не должно быть воздаваемо поклоненіе и почитаніе. Насколько унижены безплотные, добрые духи въ Исламѣ, объ этомъ даетъ намъ понятіе „Шархъ-Агкаидъ“, — общеупотребительная мухаммеданская догматика: по ученію ея, обыкновенные люди выше обыкновенныхъ ангеловъ; ангелы — посланники²⁾ выше обыкновенныхъ людей, но посланники изъ людей выше и посланниковъ — ангеловъ³⁾. Предметомъ почитанія и поклоненія, по словамъ Мухаммеда, долженъ быть только Богъ. Кромѣ Его, нѣтъ другаго существа, у котораго слѣдовало-бы просить помощи и покровительства и которому можно было-бы молиться

¹⁾ Коранъ (въ переводѣ профессора Саблукова), гл. VI, ст. 50; XVII, 95; XVIII, 110; XXI, 3, 7, 8; XXIX, 20; XL, 57; XLVII, 21; XLVIII, 2; CX, 3.

Мусульмане считаютъ Мухаммеда безгрѣшнымъ.

²⁾ По ученію Ислама между ангелами различаются обыкновенные ангелы и посланники. См. Толкованіе Кази-Бейзавія на гл. XXXV (Ангелы), ст. 1 Корана.

³⁾ Шархъ-Агкаидъ, стр. 80—81.

и воздавать поклонение⁴). Эту доктрину арабскій пророкъ болѣе рѣзко выразилъ въ 31 стихѣ IX главы своего вѣроустава. Тутъ, въ осужденіе іудеевъ и христіанъ за почитаніе святыхъ, а язычниковъ за боготвореніе усопшихъ, онъ проповѣдуетъ: „іудеи говорятъ: Ездра—сынъ Божій; назаряне (т. е. христіане) говорятъ: Мессія—сынъ Божій... Опрічъ Бога, они своихъ ученыхъ и своихъ подвижниковъ принимаютъ за господовъ, и Мессію, сына Маріи. Имъ было заповѣдано поклоняться только единому Богу: кромѣ Его нѣтъ никого, достойно боготворимаго. Воздайте хвалу Ему“. Правда, ревностныхъ исполнителей предписаній закона Божія, людей, жертвующихъ своимъ имуществомъ и своею жизнію для интересовъ Ислама, Мухамедъ ставитъ выше другихъ, но они разнятся отъ остальныхъ только тѣмъ, что въ будущей жизни получаютъ высшую награду въ райскихъ садахъ⁵); къ Богу же эти люди не приближаются и не принимаютъ участія въ славѣ и могуществѣ Его.

На основаніи вышеизложеннаго ученія Корана и мухаммеданской догматики слѣдовало ожидать, что мусульмане, кромѣ Аллаха, никому не будутъ воздавать чествованія,—что въ исламѣ не можетъ быть почитанія святыхъ. Однако, не смотря на это, мухаммедане имѣютъ своихъ святыхъ и чествуютъ ихъ,—въ Исламизмѣ существуетъ культъ святыхъ. Чѣмъ-же объяснить это явленіе въ мухаммеданской религіи?—

Почитаніе святыхъ въ мусульманствѣ возникло помимо и вопреки ученію Корана, на почвѣ естественныхъ стремленій народа: вѣра въ святыхъ есть вѣра общенародная. Человѣкъ вѣритъ, что люди благочестивые, нравственно-совершенные сближаются съ Богомъ и находятъ въ общеніи съ Нимъ, особенно въ загробной жизни. Такихъ людей онъ называетъ праведниками, святыми и считаетъ ихъ ходатаями и молитвенниками предъ Творцомъ за грѣшниковъ. Участвуя въ славѣ и могуществѣ Бога, святые, по вѣрованію человѣка, могутъ творить сверхъестественныя дѣла, чудеса. Это естественное представленіе присуще было, конечно, и арабамъ и другимъ послѣдователямъ Корана, поэтому они не могли обойтись безъ кукта святыхъ.

Первымъ святымъ въ Исламѣ былъ признанъ тотчасъ по своей

⁴) Коранъ, гл. II, 101 ст.; VII, 51, 68; IX, 130; XL, 67, 68.

⁵) Коранъ, гл. IX, ст. 20.

смерти самъ Мухаммедъ, порицавшій святыхъ у іудеевъ и христіанъ. Послѣ Мухаммеда званія святаго мусульманами были удостоены родственники, преемники и разные сотоварищи лжепророка съ ихъ родственниками; такъ напримѣръ,—халифы: Абу-бекръ, Омаръ, Османъ и Али,—дяди Мухаммеда: Хамза и Абдалла, считающіеся мучениками. За мучениковъ признаются также Али и сыновья его: Хасанъ и Хусейнъ. Но очень странно, что въ мухаммеданскую агіографію попали и женщины: онѣ, какъ извѣстно, весьма унижены въ Исламѣ. Святими женами у мусульманъ считаются: Фатьма, дочь Мухаммеда и жена Али; за нею слѣдуютъ: Хадиджа, Айша, Хафса (супруги лжепророка) и другія женщины⁶). Впослѣдствіи количество святыхъ въ Мухаммеданствѣ начало быстро возрастать и дошло до громаднѣйшей цифры. Въ настоящее время не только каждый городъ въ мусульманскомъ мірѣ, но почти каждое селеніе чтитъ одного или нѣсколькихъ своихъ святыхъ. За святыхъ у мухаммеданъ принимаются преимущественно духовныя лица, какъ-то: шейхи или пиры, ахуны, дервиши, муллы, эфендіи и другіе мужи, обнаруживающіе себя въ глазахъ общества благочестивыми, строго-воздержными и отлично знающими мухаммеданскую теологію. Такое быстрое и широкое развитіе агіологии въ Исламѣ объясняется, во первыхъ, появленіемъ въ этой религіи мистическо-аскетической секты, извѣстной подъ именемъ суфи, а затѣмъ,—развитіемъ дервишизма, направленія сроднаго съ суфи. Ученіе суфи—дервишей распространилось во всѣхъ мусульманскихъ странахъ и внушаетъ послѣдователямъ Корана достигъ общенія и единобытія съ Богомъ посредствомъ созерцанія и аскетическихъ упражненій. Эта мораль вполне гармонировала съ вѣрою мусульманскаго народа въ людей, удостоивающихся общенія и сближенія съ Богомъ, то есть, съ вѣрою въ святыхъ людей⁷). Во-вторыхъ, громадное число святыхъ у мухаммеданъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Исламизмѣ нѣтъ истинной канонизаціи святыхъ.

⁶) Пресв. Дѣва Марія признается пречистой, безпорочною (стало быть святой) самимъ Кораномъ. См. гл. III, ст. 37; XIX, 19, 20; XXI, 91; LXVI, 12. А рожденный отъ Дѣвы Маріи Сынъ, Иисусъ Христосъ, именуется въ откровеніи же Мухаммеда Словомъ Бога, Духомъ отъ Бога, стало быть, Онъ превыше всѣхъ святыхъ. См. Кор., гл. IV, 169 ст. XXI, 91; LXVI, 12.

⁷) См. сочин. о почитаніи святыхъ въ Исламѣ Яблокова.

Вслѣдствіе этого, въ числѣ послѣднихъ легко попадаются и дѣйстви-
 тельно попались лица съ порочною жизнію, прикрывающіеся только
 маскою благочестія и святости. Да и вообще мухаммеданскіе святыя
 не могутъ быть названы святыми въ истинномъ смыслѣ этого слова,
 —въ какомъ называются христіанскіе святыя; такъ какъ самая ре-
 лигіозность, благочестіе и святость въ мухаммеданствѣ иначе пони-
 маются, чѣмъ въ христіанствѣ. Именно, тамъ на эти понятія смот-
 рятъ внѣшне, чувственно, а христіанство разумѣтъ ихъ болѣе въ
 духовномъ смыслѣ. Это происходитъ отъ характера той и другой
 религіи. Христіанская религія—духа и истины, а мухаммеданская—
 религія обрядовъ. Поэтому, сообразно съ грубымъ характеромъ
 Ислама, требующаго отъ своихъ послѣдователей единственно внѣш-
 няго исполненія постановленій закона, мухаммеданскій святой только
 видимо благочестивъ; онъ не имѣетъ истинной религіозности, исхо-
 дящей изъ чистаго срдца, какая присуща святому православной ре-
 лигіи. Всѣ дѣла религіозно-нравственныя совершаются мусульман-
 скими святыми не во имя внутреннихъ побужденій, не изъ любви
 къ Богу и ближнимъ и не изъ сознанія своей грѣховности, но изъ
 желанія пріобрѣсти почтеніе въ глазахъ общества. вмѣсто смиренія
 и кротости, этихъ отличительныхъ качествъ христіанскихъ святыхъ,
 мухаммеданскимъ святымъ присуща гордость житейская, лицемѣріе и
 тщеславіе, подобно древнимъ іудейскимъ фарисеямъ. Далѣе: мусуль-
 манскіе святыя, какъ видно изъ ихъ жизнеописаній, надѣлены ска-
 зочными, фантастическими атрибутами и даромъ чудотворенія. На-
 примѣръ, въ мухаммеданскихъ разсказахъ святой изображается то
 семиглазымъ, то слѣпымъ, страшнымъ, при одномъ взглядѣ на кото-
 раго всякій умираетъ, то говорящимъ съ растеніями и животными,
 иногда—со способностью съѣдать невѣроятно много, то съ нево-
 образимою красотою молодаго человѣка, въ котораго страстно влюб-
 ляются женщины и т. д... Сходство съ христіанскими святыми исла-
 мистическіе имѣютъ самое внѣшнее; именно, и по возрѣнію мухам-
 меданъ, святыя ихъ суть существа близкія къ Богу (валій, авлѣва),
 по своей благочестивой, богоугодной жизни. Будучи близки къ Ал-
 лаху, они, по вѣрованію мусульманъ, являются ходатаями предъ
 Нимъ за грѣшниковъ; а находясь подъ божественнымъ озареніемъ,
 эти святыя лучше разумѣютъ и изъясняютъ откровеніе, вѣроуставъ;
 они же облечены властью творить чудеса.

Если мы обратимъ вниманіе на самый культъ святыхъ, на его богослужебную, обрядовую часть, то въ мухаммеданствѣ онъ сосредоточивается, можно сказать, исключительно въ томъ мѣстѣ, гдѣ покоятся тѣла святыхъ, т. е. при могилахъ или гробницахъ ихъ. Исключеніе изъ этого составляютъ памятники, воздвигнутые мухаммеданами въ воспоминаніе пребыванія у нихъ какого-нибудь святаго. Къ этимъ памятникамъ мусульмане идутъ на поклоненіе, какъ и къ могиламъ святыхъ. Впрочемъ, это явленіе, насколько намъ извѣстно, довольно рѣдко. Что же касается до общественнаго культа, совершаемаго мухаммеданами въ мечети въ честь Бога, то къ нему культъ святыхъ не имѣетъ никакого отношенія. Въ мечети мусульмане молятся единственно Аллаху. Далѣе, культъ святыхъ въ Исламизмѣ не соединяется съ какимъ-либо установленнымъ праздникомъ или торжествомъ, обязательнымъ для мусульманъ. Самая же обрядовая его часть проста. Только почитаніе гроба Мухаммеда сопровождается болѣе или менѣе сложными церемоніями—у всѣхъ мусульманъ, какъ суннитовъ⁸⁾, такъ и шитовъ⁹⁾. Впрочемъ, одни шиты имѣютъ еще свои праздники, сопровождающіеся довольно сложными церемоніями; именно, въ первые десять дней мѣсяца Мухаррема (въ новолѣтіе, весной) они представляютъ мистеріи мученической смерти своихъ святыхъ имамовъ: Али и сыновей его—Хасана и Хусейна, а въ 10-й день представляется смерть Хусейна и другихъ членовъ его семейства, при чемъ фанатики допускаютъ самоистязанія кинжалами или мечами въ угоду мучениковъ. Сунниты этого не признаютъ и не допускаютъ. Во всѣхъ же другихъ случаяхъ почитаніе святыхъ мухаммедане ограничиваютъ посѣщеніемъ ихъ могилъ (зіарать) во всякое время, произнесеніемъ тамъ какой-либо молитвы, просьбы или обѣтовъ и принесеніемъ подарковъ или жертвъ. Но чаще всего поклонники Корана обращаются къ могиламъ святыхъ во время болѣзней и несчастій, при чемъ, имѣетъ мѣсто (какъ увидимъ ниже) много суевѣрій. Кромѣ гробницъ, мусульмане чтутъ и нѣкоторыя реликвіи святыхъ, какъ-то: волосы, зубы, шапку, плащъ, башмаки,

⁸⁾ Сунниты—турки, извѣстная доля Кавказскихъ мусульманъ, Қазанскіе, Астраханскіе, Крымскіе татары и проч.

⁹⁾ Шиты—персіане, нѣкоторые изъ Кавказскихъ мусульманъ и проч.

палку и другія вещи, унаслѣдованныя ими отъ Мухаммеда и другихъ священныхъ лицъ. Нужно замѣтить, что мусульмане, почитая гробницы и реликвіи святыхъ, почти не соединяютъ съ этимъ чествованіемъ его идеи: всю силу и значеніе они приписываютъ однимъ этимъ святынямъ. Останковъ же святыхъ мухаммедане, въ собственномъ смыслѣ, не могутъ почитать, такъ какъ въ Исламѣ запрещается вырывать тѣла умершихъ. Такъ какъ святыя въ мусульманствѣ не равны между собою по чести и достоинству (что видимъ и въ другихъ религіяхъ), то и не всѣ гробницы ихъ пользуются у мухаммеданъ одинаковымъ значеніемъ и уваженіемъ. Первое мѣсто во всемъ мусульманскомъ мірѣ занимаетъ гробъ Мухаммеда, находящійся въ Мединѣ. За нимъ слѣдуютъ могилы Абу-бекра, Омара, Османа и Катьмы, находящіяся тоже въ Мединѣ, недалеко отъ гробницы арабскаго пророка. Всеобщимъ уваженіемъ пользуется также и халифъ Али¹⁰), двоюродный братъ и зять Мухаммеда. Только мусульмане шітской секты отступаютъ отъ этого порядка: у нихъ, между всѣми святыми, Али занимаетъ первое мѣсто, послѣ Мухаммеда, такъ-какъ они считаютъ его, вопреки суннитамъ, первымъ и законнымъ халифомъ посланника Аллаха, а остальныхъ, т. е. Абу-бекра, Омара и Османа, — узурпаторами. Какъ сунниты, такъ и шіиты одинаково почитаютъ, кромѣ гроба лжепророка, и могилы сыновей послѣдняго: Касима и Ибраима, а также — Хамзы, Абдаллы и проч.

Но кромѣ общеуважаемыхъ святыхъ, въ мухаммеданствѣ есть еще и мѣстные святыя, которые почитаются или только въ извѣстной провинціи, или въ нѣсколькихъ селеніяхъ, или, наконецъ, въ одной лишь деревнѣ. Для уясненія этого мы возьмемъ, на примѣръ, Кавказскій край и перечислимъ нѣсколько мухаммеданскихъ святыхъ, или ихъ могилъ, почитаемыхъ мѣстными мусульманами; при этомъ воспользуемся случаемъ указать и на нѣкоторыя суевѣрія, допускаемая населеніемъ при поклоненіи гробницамъ. Такъ, въ Нухинскомъ уѣздѣ, Елизаветпольской губерніи, вблизи села Арабъ-Оджаги, находится могила мухаммеданскаго святаго Арабъ — Хаджи-аги, которая считается главнымъ мѣстомъ поклоненія въ уѣздѣ. Могила Арабъ-Хаджи-аги, по вѣрованію мѣстныхъ мусульманъ, оказываетъ помощь бездѣтнымъ и

¹⁰) Гробница халифа Али неизвѣстно, гдѣ.

больнымъ. Недалеко отъ деревни Ибраимъ-кенды, Нухинскаго же уѣзда, похороненъ Шейхъ-Османъ. При почитаніи его мусульмане допускаютъ слѣдующее суевѣріе: они приводятъ къ могилѣ больныхъ лошадей, обводятъ ихъ кругомъ ея три раза, затѣмъ берутъ тамъ-же землю и вмѣшиваютъ ее въ кормъ животныхъ, въ надеждѣ на ихъ выздоровленіе. Въ Нухинскомъ же Кышлякѣ (зимовкѣ) погребенъ Ахундъ Юсуфъ-Эфендій. Къ гробницѣ этого мужа приходятъ на поклоненіе мусульмане, одержимые лихорадкой. Они берутъ съ могилы землю, разводятъ ее въ водѣ и пьютъ въ видѣ лекарства. Впрочемъ, къ Юсуфу-Эфендію мухаммедане обращаются и при общественныхъ бѣдствіяхъ: во время минувшей холерной эпидеміи многіе изъ нихъ (какъ рассказывали намъ въ селеніи Кахи, Закатальскаго округа, сами мусульмане) посѣщали могилу упомянутаго ахунда, брали тамъ землю и, разведши ее въ водѣ, пили, какъ противохолерное средство. Около селенія Бабаратмы существуетъ памятникъ въ честь святаго Баба-Рютяби, бывшаго садовника арабскаго апостола Мухаммеда. Баба-Рютяби, прибывъ въ Нухинскій уѣздъ изъ родного города Мекки, избралъ мѣстомъ для богослуженія окраину села Бабаратмы. Въ воспоминаніе пребыванія здѣсь этого священнаго лица мухаммедане соорудили памятникъ, къ которому приходятъ на поклоненіе два раза въ недѣлю, — по понедѣльникамъ и четвергамъ, какъ больные, такъ и здоровые. Баба-Рютяби умеръ въ Индостанѣ. Мусульманское населеніе передаетъ, что, когда Баба-Рютяби жилъ въ Нухинскомъ уѣздѣ, въ окрестностяхъ Бабаратмы скрывалась змѣя, причинявшая народу бѣдствіе. Угодникъ Аллаха и Мухаммеда, Баба-Рютяби убилъ змѣю стрѣлой и отрубилъ ей голову. Голова и трупъ будто-бы окаменѣли и доннынѣ существуютъ, — голова у подошвы одной горы, а трупъ указываютъ на самой горѣ. Недалеко отъ деревни Зунуть имѣется могила святаго Хазре. Къ могилѣ Хазре приходятъ получить исцѣленіе изъ Ширвана укушенные бѣшенной собакой и страдающіе ранами. Въ селѣ Гамзали погребенъ Шейхъ мулла Мамедъ. Мусульмане вѣрятъ, что дающіе на могилѣ этого святаго ложную клятву заболѣваютъ. Около селенія Кютованъ, Нухинской провинціи, находится гробница святаго Шахъ-Кобада, шейха. Сюда идутъ на поклоненіе изъ разныхъ селъ страдающіе ранами. Они берутъ съ могилы землю и натираютъ ею больное мѣсто. Недалеко отъ села Мухасъ, того же уѣзда, похороненъ Мухасъ-Ходжа-ага. Къ его могилѣ приходятъ

для поклоненія только жители этой деревни. Въ Памбакской дистанціи, вблизи селенія Большой Караклисъ, въ урочищѣ Вонанпорѣ, есть одно мѣсто, обнесенное камнями, извѣстное подь именемъ Оджагъ (огонь). Мусульмане собираются къ этому мѣсту въ воспоминаніе кочевавшаго здѣсь когда-то татарина Мискинъ-Авдала, который разводилъ тутъ огонь. У Оджага жители молятся и приносятъ жертвы, при этомъ мухаммедане отрываютъ отъ своихъ платьевъ лоскутики и увѣшиваютъ ими грушевое дерево, которое растетъ тамъ-же. Гдѣ погребенъ Мискинъ-Авдала, неизвѣстно. Въ Закатальскомъ округѣ, въ селеніяхъ Гюллюхъ и Башъ-Джинихъ находятся могилы святыхъ: въ первомъ—Шейха Омара, а въ другомъ—Шейха Ахмеда. Изъ благовѣннѣя къ Шейху Омару мусульмане питаютъ уваженіе и къ могиламъ его семейства, находящимся въ Гюллюхъ. Въ Дагестанѣ, недалеко отъ города Дербента, мухаммедане почитаютъ одно кладбище, называемое Кырхляръ. Здѣсь покоятся сорокъ мусульманскихъ святыхъ мучениковъ. Въ деревнѣ Сабново, отстоящей отъ Дербента, на разстояніи одной версты, похороненъ какой-то святой. Когда у кого-нибудь изъ мухаммеданъ заболѣетъ ребенокъ, то ему лицо и тѣло намазываютъ кубовою краской и несутъ въ названную деревню къ могилѣ святаго. Съ могилы берутъ землю и насыпаютъ ее на голову ребенка: послѣ этого больного увозятъ къ одному камню, находящемуся въ шести верстахъ отъ Дербента и извѣстному подь именемъ каршашъ (братъ). Тутъ ребенка обносятъ около камня три раза и выжидаютъ его исцѣленія¹¹).

Мы не считаемъ нужнымъ указывать здѣсь и на другихъ мухаммеданскихъ святыхъ (или на ихъ могилы),—пользующихся уваженіемъ въ остальныхъ мусульманскихъ провинціяхъ и селахъ Кавказа: вообще у кавказскихъ мухаммеданъ культъ святыхъ носить на себѣ грубый, суевѣрный характеръ, какъ и у всѣхъ мусульманскихъ народовъ, ибо суевѣрна и сама религія ихъ—Исламъ.

Такимъ образомъ, изъ всего вышеизложеннаго видно, что мусульмане въ своемъ религіозномъ быту допускаютъ почитаніе святыхъ, и допускаютъ вопреки ученію Корана;—вопреки настойчивымъ внушеніямъ Мухаммеда, они, кромѣ Аллаха, суевѣрно, грубо чествуютъ могилы

¹¹) См. статью ученаго Берже, помѣщенную въ книгѣ: „Пятый археологическій съѣздъ въ Тифлисѣ“.

своихъ святыхъ и разныя реликвіи ихъ, какъ-то: волосы, зубы, плащъ, палку, башмаки и другія вещи, принадлежавшія ихъ священнымъ лицамъ.

Принимая во вниманіе такое поведеніе мусульманъ въ ихъ религіозной жизни, ужели, послѣ этого, не странно слышать отъ нихъ упреки, дѣлаемые христіанамъ за почитаніе св. креста и изображеній святыхъ, — почитаніе, которое не только не противорѣчитъ божественному писанію, но и находитъ въ немъ прочное основаніе?! Несправедливость мухаммеданъ по отношенію къ православнымъ доходить до того, что они, не желая знать истиннаго смысла и значенія чествованія въ православной религіи креста Христова и св. иконъ, насмѣшливо называютъ насъ крестопоклонниками (хач—парастъ) и идолопоклонниками (бут—парастъ)?!

Пора самимъ мусульманамъ оставить идолослуженіе въ своемъ религіозномъ быту и узнать истинный смыслъ и значеніе почитанія въ православной религіи креста Христова и св. иконъ. Тогда крестъ Христовъ и изображенія святыхъ не камнемъ преткновенія и соблазномъ будутъ служить для нихъ при желаніи принять христіанство, но, напротивъ, — основаніемъ спасенія.

Студентъ миссіонерскихъ при Казанской духовной академіи курсовъ

Тарасій Иваницкій.

О Т Ч Е Т Ъ

по постройкѣ православнаго храма въ селѣ Гренадерскомъ.

9-го іюля 1892 года въ селѣ Гренадерскомъ, Карсской области, была совершена закладка новаго каменнаго храма, строящагося на пожертвованія разныхъ благочестивыхъ христіанъ. Храмъ сей законченъ вчернѣ въ ноябрѣ мѣсяцѣ истекшаго 1893 года. На постройку его израсходовано по настоящее время 14126 руб. 59 коп. Расходъ сей подраздѣляется по статьямъ расхода такъ:

СТАТЬЯ 1.	С у м м а .	
	Руб.	Коп.
Израсходовано на покунку, подвозку и пилку лѣснаго матеріала для устройства подмостей, кружалъ; стропилъ, обрѣшетку крыши, устройство купола, устройство ящиковъ, творилъ, носилокъ и проч.	1940	87

СТАТЬЯ 2.

Уплачено плотникамъ за деревянныя работы при постройкѣ	731	25
--	-----	----

СТАТЬЯ 3.

Израсходовано на ломку камня для цоколя и стѣнъ и доставку части его изъ сел. Кюмбатъ	1396	89
---	------	----

СТАТЬЯ 4.

Израсходовано на покупку и доставку извести и цементу изъ гор. Александрополи	1446	57
---	------	----

СТАТЬЯ 5.

Уплачено мастерамъ каменщикамъ за кладку церкви.	5504	62
--	------	----

СТАТЬЯ 6.

Уплачено за желѣзо для связей, кронштейны для хоровъ и гвозди и прочіе желѣзн. издѣлія	461	99
--	-----	----

СТАТЬЯ 7.

Уплачено за кровельное желѣзо, его доставку и покрытие церкви	1039	4
---	------	---

СТАТЬЯ 8.

Уплачено за купленныя зеркальныя стекла для крестовъ и простыя стекла	225	88
---	-----	----

СТАТЬЯ 9.

Израсходовано на суточные и прогонные расходы членамъ комитета во время разныхъ командировокъ и поѣздокъ	139	59
--	-----	----

СТАТЬЯ 10.

Уплачено Карсскому городскому Архитектору г. Салатно-Петрице за составленіе проекта, технической надзоръ и прогонные ему на поѣздки изъ г. Карса въ село Гренадерское и обратно	986	40
---	-----	----

СТАТЬЯ 11.

Израсходовано на разные мелочныя расходы	103	49
--	-----	----

СТАТЬЯ 12.

Израсходовано на снятіе и перевозку изъ гор. Тифлиса иконостаса	150	„
---	-----	---

А всего израсходовано	14126	59
---------------------------------	-------	----

Для совершенной отдѣлки храма необходимо еще произвести слѣдующіе работы и расходы:

1, Устройство половъ и потолка въ колокольнѣ	1400	"
2, Закончить кровельныя работы	400	"
3, Столярныя работы	600	"
4, Штукатурныя работы	600	"
5, Малярныя работы	200	"
6, Стекольныя работы	200	"
7, Реставрація и установка иконостаса	800	"
8, Устройство лѣстницы на колокольню и решетокъ на хоры .	200	"
9, Планировка, ограда и другія мелкія работы внутри церкви	600	"
А всего необходимо израсходовать		5000 "

Для покрытія вышеозначеннаго расхода въ настоящее время Комитетъ располагаетъ средствами: по книжкѣ Гренадерской церкви за № 200 хранится въ сберегательной кассѣ Карскаго казначейства 3397 руб. 52 коп., изъ коихъ 2812 руб. 65¹/₄ коп. принадлежитъ Гренадерской церкви, а остальные 584 руб., 86³/₄ коп. есть залоговыя мастеровъ каменщиковъ, на каковыя Карскимъ мировымъ судьей наложенъ арестъ по исполнительному листу отъ 8-го декабря 1892 года за № 8164, въ обезпеченіе иска Комитета. Такимъ образомъ не достаетъ еще для окончанія 2187 рублей 34³/₄ коп.

Предсѣдатель Комитета, благочинный, священникъ *Николай Комаръ*, члены: *Родионъ Судаковъ*, *Герасимъ Кузьминъ* и *Фил. Будниковъ*.

Разныя извѣстія и Замѣтки.

Статистика храмовъ въ Россіи. Изъ всеподданнѣйшаго отчета г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода за 1890 и 1891 годы видно, что православныхъ приходоу въ отчетномъ періодѣ было 35,814. При свыше семидесятимилліонномъ числѣ православныхъ, приходилось среднимъ числомъ на каждый приходъ около 2,000 душъ. Состояло: соборовъ—695, изъ нихъ 66 кафедральныхъ, приходскихъ церквей 35,229, приписныхъ къ нимъ, кладбищенскихъ, домовыхъ и другихъ—9,709; часовенъ и молитвенныхъ домовъ—18,860; среднимъ числомъ на 1,400 человекъ приблизительно было одно молитвенное зданіе. Въ 1890 году построено

453 церкви (каменныхъ 198, деревянныхъ 255); часовень и молитвенныхъ домовъ 679 (каменныхъ 260, деревянныхъ 419). Въ 1891 году построено 443 церкви (каменныхъ 174, деревянныхъ 269), часовень и молитвенныхъ домовъ 239 (каменныхъ 59, деревянныхъ 180). Въ связи съ этими свѣдѣніями отчетъ отмѣчаетъ въ высшей степени сочувственное отношеніе русскаго народа къ дѣлу храмоздательства. „Большая часть сельскихъ храмовъ, по словамъ отчета, построена изъ народныхъ грошей, трудомъ народнымъ,—и во множествѣ иждивеніемъ щедрыхъ благотворителей, благочестивыхъ людей, понимающихъ, что здѣсь—самое лучшее, самое вѣрное употребленіе достатка, ими пріобрѣтеннаго. Трудно исчислить и всѣ ясныя пожертвованія этого рода, но невозможно исчислить жертвы тайныя, коихъ по мѣстамъ множество. Стоитъ только начать строеніе церкви въ такомъ мѣстѣ, гдѣ очевидна настоятельная нужда въ ней, какъ является на помощь тайная благотворительность, не только безыменными сборами на церковное строеніе, но и жертвами денежными безыменныхъ дателей, и матеріалами. Церковное строеніе возрастаетъ, и сами строители въ исходѣ дѣла изумляются, откуда Богъ послалъ имъ средства докончить начатое на милость Божию дѣло.

Матеріальное обезпеченіе семей духовенства. Въ Полоцкой епархіи сдѣлано въ недавнее время интересное нововведеніе, касающееся матеріальнаго обезпеченія вдовъ и сиротъ мѣстнаго духовенства. По единогласному постановленію съѣзда духовенства полоцкой епархіи, на будущее время, въ случаѣ смерти какого-либо священника полоцкой епархіи, всѣ остальные священники вносятъ въ пользу осиротѣвшаго семейства по 1 рублю. Получающаяся, такимъ образомъ, сумма въ 700—800 рублей можетъ, безъ сомнѣнія, служить значительной поддержкой для вдовъ и сиротъ умершаго священника. Нечего и говорить о томъ, насколько желательно принятіе этой мѣры и въ другихъ нашихъ епархіяхъ.

(„Русскій Листокъ“, 1893 г., № 62).

ОБЪЯВЛЕНІЕ

отъ Правленія Тифлисской духовной семинаріи.

Правленіе Тифлисской духовной семинаріи извѣщаетъ воспитанниковъ семинаріи, получившихъ, по указу Святѣйшаго Синода отъ 31-го января 1894 года за № 457, право подавать на имя о. Ректора прошенія о принятіи ихъ въ семинарію—*что эти прошенія должны быть присылаемы безотлагательно въ теченіе апрѣля мѣсяца сего года.*

ПОДПИСКА

НА „ДУХОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ”

Грузинскаго Экзархата“

въ 1894 году продолжается при Тифлисской духовной Семинаріи.
 ЦѢНА—4 рубля въ годъ съ пересылкою.

Содержаніе № 7-го. *Часть оффиціальная*: Высочайшія награды. Опредѣленіе Святѣйшаго Синода. Производство въ чины. Распоряженія Епархіальнаго Начальства. Объявленіе отъ редакціи. *Часть неоффиціальная*. Собесѣдованіе на 5-ю недѣлю Великаго поста—*Я. Чредина*. Напутствованіе умирающаго, какъ неотложная обязанность священника. Высокопреосвященнѣйшій Филаретъ, митрополитъ московскій и коломенскій—священника Меодія *Авдашкевича*. Двѣнадцативѣковая религіозная борьба Православной Грузіи съ Исламомъ—*Г. Садзгелова—Иверіели*. Нѣсколько словъ о почитаніи святыхъ въ Мухаммеданствѣ вообще и у Кавказскихъ мусульманъ въ частности—студента мисіонерскихъ при Казанской духовной академіи курсовъ *Тарасія Ивануцкаго*. Отчетъ по постройкѣ православнаго храма въ селѣ Гренадерскомъ. Разныя извѣстія и замѣтки. Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ *Серафимъ*.

Печатать дозволяется. 26-го марта 1894 г. Цензоръ, протоіерей *Е. Елизъ*.

Типографія *Е. Хеладзе*, Лорисъ-Меликовская ул., домъ Квациотской Георгіевской церкви № 28-й.